*О. М. Ноговицын**

ОНТОЛОГИЯ ФОРМЫ. ВОСПРИЯТИЕ

Аннотация: В статье делается попытка логического развития известного тезиса Аристотеля: форма актуальна, а материя (содержание) становится. Автор показывает, что причинность формы в отношении к содержанию заключается именно в том, что форма актуальна, «уже есть», а содержание возникает потому, что имеется готовая форма для него. Из такого отношения формы и материи автор выводит целый ряд понятий: последование, счет порядковый и качественный.

Ключевые слова: метафизика, онтология, форма, счет.

O. M. Nogovitsyn

ONTOLOGY OF FORM. PERCEPTION

Annotation: In this article the author attempts to make a logical development of the well-known thesis of Aristotle: the form is relevant, and the matter (content) becomes. The author shows that the causality of the form concerning the content consists precisely in the fact that the form is actual, «already is», and the content comes into existence because there is a ready-made form for it. From this relation of form and matter, the author derives some concepts: follow-up, ordinal and qualitative account.

Key words: metaphysics, ontology, form, account.

I

Форма предшествует содержанию — в силу того, что форма по своему определению актуальна, тождественна, равна себе, есть готовая, или ставшая форма, в то время как содержание есть нечто становящееся, возникающее как

* *Ноговицын Олег Михайлович*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.

содержание. Поэтому мы сначала мыслим форму, а затем возникающее в этой форме содержание.

Способ существования формы — знание, а поскольку форма исходна, то знание самой себя. При этом познание себя сначала совпадает с существованием: познание себя делает форму существующей, но, как познание, не отличается от самой формы; знать себя значит быть. Поэтому хотя форма представляет собой нечто ставшее, первоначально она не знает себя ставшей, иначе говоря, не знает себя формой; а знает только то, что она есть. Форма является ставшей, или является формой, но не сознает себя как форму.

Точно также форма является условием, или причиной возникающего содержания, но не сознает себя таким условием. Ставшесть формы и означает, что форма служит предпосылкой для становящегося содержания. И если форма не сознает себя ставшей, то не сознает себя и предпосылкой содержания.

Поскольку форма тождественна себе, то возникающее в этой форме содержание также тождественно, возникает как одно. Становление и не может мыслиться иначе как становление одного. Однако форма не знает о своем тождестве. Поэтому она не знает и о тождестве содержания. Все что форма знает о себе — что она существует; и все, что форма знает о содержании — что оно становится, или оно возможно.

Оба эти знания — о себе, что я есть, и о предмете, что он возникает как предмет — существуют одновременно и являются не двумя сторонами одной достоверности, как у Гегеля, а, скорее, одной и той же достоверностью — достоверностью сознающей себя формы, это объясняется тем, что форма, будучи причиной, не исчезает вместе с появлением предмета, а остается причиной его становления.

Логически это выглядит следующим образом: сначала форма сознает свое бытие — простое «есть», или «я», или «я есть», — а затем и вследствие этого сознает свое бытие и становление предмета. Форма предшествует себе и своему предмету.

II

Поскольку форма существует, она служит условием содержания. Это означает, что форма существует до содержания: форма уже есть, а содержания еще нет. В то же время форма не знает себя формой и условием содержания. Это

означает, что по мере того, как содержание появляется в форме, форма исчезает в содержании, не отличает себя от него, свое бытие от бытия содержания.

Следовательно, в своем бытии — в «я есть», или «есть» — форма обнаруживает две стороны. С одной стороны, форма «есть» — в том смысле, что она есть до содержания, прежде, чем содержание возникло; а с другой стороны, формы «нет» — она исчезла в содержании, а вместе с ней исчезло и само содержание.

Вычленение этих сторон, или абстрактных моментов, — результат рефлексии, т. е. осознание формой себя. Форма сознает себя в отношении к содержанию. При этом содержание, или предмет, не является стороной, обнаруживаемой в рефлексии, когда другой стороной служит форма. Обе стороны форма обнаруживает в самой себе.

Как видно, только одна из вычлененных сторон формы может быть мыслима — именно то, что форма существует до того, как возникает содержание. Но это — лишь сторона действительного состояния формы, абстракция, которая самостоятельно не существует. Форма не может быть до содержания, потому что в таком случае она была бы пустой формой без всякого содержания, что абсурдно. Форма существует постольку, поскольку в ней становится содержание.

Но так как в действительном состоянии формы мы вычленили два момента, а затем один из них отбросили как немыслимый, то состояние формы должно измениться, причем «в сторону» того из моментов, который сохранился. Форма должна мыслиться до содержания и как причина содержания, но не как причина, существующая до содержания, а как причина становящегося содержания.

Это и происходит, когда форма сознает себя формой, т. е. сознает себя актуальной, ставшей. Вместе с тем форма сознает себя причиной содержания, потому что предшествование, или причинность формы, и заключается в том, что она — ставшая форма становящегося содержания. Если раньше форма знала о себе только то, что она *е*сть, то теперь форма знает, что она — форма, т. е. нечто ставшее и причиняющее собой содержание.

О содержании форма также знает не только то, что оно становится, но что становится нечто одно. Как мы уже сказали, становление может мыслиться только как становление одного. И теперь, когда форма сознает себя ставшей и причиной содержания, она сознает, что содержание «одно».

«Одно» в данном случае — чувственное одно. Проблема мышления чувственного одного заключается в том, что предмет, чтобы быть чувственным,

должен иметь границу. Но если он, по определению, один, то он не может быть ограничен. С этой проблемой столкнулись первые греческие философы Фалес и Анаксимандр.

Но поскольку чувственное содержание не есть, а становится, оно, будучи одним, в то же время имеет границу. Границей служит не иное чувственное содержание, а отсутствие всякого содержания. Например, свет становится во тьме, а звук — в тишине.

III

Итак, поскольку форма сознает себя причиной, или тождеством, а причинность формы, напомним, заключается в ее тождестве, форма активна, потому что тождественна, — постольку она сознает содержание как нечто одно. В этом смысле можно сказать, что форма делает содержание одним. Результатом активности (т. е. самосознания) формы является то, что содержание получает определенность «одного».

Однако по мере того, как содержание делается одним, предстает как одно, форма теряет себя в нем. О себе форма знает только то, что она тождественна, но содержание, становясь одним, так же становится тождественным себе. Точно так же, как прежде форма не отличала свое бытие от бытия предмета, так теперь форма не отличает себя как тождество от тождества предмета. Форма исчезает, исчерпывает себя в своем результате.

В себе как причине, следовательно, форма обнаруживает два момента. С одной стороны, форма есть действие, причина, которая определяет содержание, дает содержанию новую определенность. С другой стороны, форма не отличается от этого нового содержания, не является его причиной.

Из этих двух выявленных рефлексией сторон мыслимой является только одна — то, что форма представляет собой действие, и это меняет состояние формы, превращает ее в действие, которое не успокаивается в результате, а воспроизводит себя как действие. Рефлексия и заключается в том, что форма воспроизводит себя в качестве формы, т. е. тождественной причины предмета. Воспроизвести себя и значит осознать.

Предмет при этом получает конечный вид. Способ определения предмета можно назвать указыванием: «вот», «вот», «вот»… Форма определяет предмет, чтобы определять снова и снова. Причинение заключается в повторении

причинения. Поэтому формой определения, или просто формой является не «вот», а именно «вот, вот, вот…», т. е. множество. «Множество» — то, что форма знает о себе и своем предмете.

Изменяется и характер активности формы. Прежде форма была причиной, поскольку была тождественна. Теперь форма определяет предмет тем способом, что дает ему границы, делает конечным предметом. Определенность предмета заключается в его конечности.

Если прежде форма, как причина, совпадала и не совпадала со своим результатом — становящимся предметом, то теперь, в качестве причины конечности, форма определенно отличается от предмета. Сознавая себя, форма больше не смешивает себя с предметом.

Отличая себя от предмета, форма сознает свою актуальность, но является уже формой конечности, или в собственном смысле определенности предмета в том отношении, что определить — значит ограничить. Чтобы давать предмету границы, форма должна быть актуальной, равной себе, но определенность предмета теперь заключается именно в его конечности, ограниченности.

Таким образом, в каждом своем действии, в каждом «вот», что сознает форма? Форма сознает свою актуальность и конечность предмета. Новое «вот» означает, что форма вновь сознает свою актуальность и конечность предмета. Новое «вот» для формы является «новым», «иным», дающим понятие «множества» — и только.

Чего не сознает форма? Она не сознает сам переход от одного «вот» к другому, не сознает воспроизведение к*а*к воспроизведение. И вследствие этого не сознает себя как причину конечного предмета.

IV

«Множество», как мы видим, также заключает в себе два момента, которые могут быть обнаружены. Каждое «вот» представляет собой тождественную форму и конечный предмет. Поэтому воспроизведение «вот» предполагает, с одной стороны, воспроизведение формой себя как формы, а с другой стороны, — воспроизведение предмета как предмета.

Если мы возьмем воспроизведение формы как формы, т. е. формы без предмета, то обнаружим, что само мышление формы без предмета уже есть

мышление перехода к другой форме, которая, в свою очередь, есть переход к новой форме и т. д. Форма не мыслится как нечто устойчивое, но мыслится опосредование и переход от формы к форме. Совершается «чистый» переход (или мышление «чистого» перехода), т. е. переход от одной пустой формы к другой.

Как мы уже заметили, «множество», или указывание («вот», «вот», «вот»), означает, что форма воспроизводит себя в качестве причины предмета, т. е. производит себя, чтобы произвести вновь. Но при этом форма не осознает, что воспроизводит себя. Действие «вот», «вот», «вот» не предполагает осознание воспроизведения как воспроизведения. В абстракции «чистого» перехода это осознание происходит, форма сознает, что воспроизводит себя, но как форму без предмета.

С другой стороны, если посмотреть на результат воспроизведения формы — множество конечных предметов, то они, взятые без формы, не находятся ни в какой связи друг с другом. Каждый новый предмет мыслится не как результат перехода от другого предмета, а просто как предмет. Иными словами, предметы существуют безотносительно друг другу.

Однако «безотносительность» не может быть мыслима, является еще одним обличьем небытия. Предметы, взятые без формы, т. е. без определяющего их действия, представляют собой не действительное состояние, а только абстракцию, отвлеченную от «множества». Но, будучи вычлененной из «множества», эта абстракция оказывается немыслимой как абстракция — потому, что, взятые безотносительно, предметы не являются множеством, не мыслимы как предметы.

В свою очередь, форма, взятая без предмета, или действие без его результата так же представляет собой абстрактную сторону «множества». Однако, вычлененная из «множества», эта сторона как сторона удерживается мышлением, оказывается мыслимой. Мысля форму, мы мыслим воспроизведение формой себя, и эта воспроизводящая себя форма является новым вариантом все той же пустой формы, которая была первой абстракцией от «бытия».

Таким образом, рефлексия формы заключается в том, что из двух сторон, вычленяемых в мышлении «множества», сохраняется лишь одна сторона, и тем самым совершается движение к новому действительному состоянию формы. Это новое состояние заключается в том, что осознается переход от «вот» к «вот», т. е. осознается воспроизведение формой себя как причины

предмета. Форма является причиной предмета тем способом, что воспроизводит себя в качестве причины. Поэтому осознание воспроизведения есть, вместе с тем, осознание причинения формой предмета. Форма мыслит себя причиной, чтобы мыслить себя причиной и т. д.

Поскольку воспроизведение осознается, в нем обнаруживаются два разных момента. С одной стороны, всякое воспроизведение, или повторение, есть повторение одного и того же; а с другой стороны, повторение есть переход к иному, чего прежде не было.

Но возвращение к тому же означает, что ничего не происходит, не совершается никакого движения; нет осознания воспроизведения как воспроизведения. Поэтому повторение может быть только переходом к иному, новому. При этом переход должен быть именно повторением. Поэтому новое следует определить как «иное точно такое же», или «следующее». Математически «следующее» выражается в порядковом счете: «первый», «второй» и т. д., где «второй» не означает «больше, чем первый», а означает только «следующий за первым».

Если мы теперь рассмотрим действие перехода, или способ, каким мы (форма) мыслим его, то обнаружим, что переход и то, к чему переход совершается, т. е. «следующее», не различаются нами; переход мыслится как построение и причинение «следующего» и поэтому не отличается от самого «следующего». Переход к «следующему», например ко «второму», мыслится нами, но мыслится таким образом, что мыслить переход ко «второму» и мыслить «второе» — одно и то же.

V

Поэтому следующий шаг рефлексии, или познания формой себя, заключается в том, чтобы различить в действии перехода к «следующему» собственно действие, или переход, с одной стороны, а с другой — само «следующее», различить переход и то, к чему переход совершается.

Но если мы возьмем абстракцию «следующего», т. е. возьмем «следующее» без перехода от «предыдущего» к «следующему», то окажется, что «следующее» не отличается от «предыдущего»; «второе» не отличается от «первого», а «третье» от «второго». Порядковая последовательность чисел «схлопывается» и уже не является ни последовательностью, ни даже множеством, мы снова оказываемся перед небытием.

С другой стороны, переход, взятый как таковой, без того, от чего и к чему он совершается, без «предыдущего» и «последующего», представляет отношение формы с собой, т. е. такое устойчивое отношение, когда составляющие его формы существуют одновременно как стороны отношения — еще одно обличье «чисто», т. е. пустой формы, которая ясно осознается в качестве абстракции.

Благодаря этой абстракции форма узнает, что может мыслить «переход» отличным от «следующего». Поэтому, возвращаясь к предметному, действительному мышлению, форма мыслит «следующее» таким образом, что «переход» опосредует «следующее»: сначала мыслится «переход», а затем «следующее». Или можно сказать, что «переход к следующему» получает сложный, двухчастный вид, состоящий из «перехода» и «следующего».

При этом и «переход», и «следующее» не мыслятся независимо друг от друга, но как части одного целого, которое складывается последовательно: сначала мыслится «переход», а затем мыслится «следующее» с сохранением мышления «перехода». «Следующее» сознается вместе с сознанием отношения к предыдущему. Тем самым «следующее» получает значение не просто «следующего», а «бо́льшего»: «второе» теперь означает не просто «следующее за первым», а «бо́льшее, чем первое»; «третье» — «большее, чем второе» и т. д. Иными словами, мы переходим от порядкового счета к количественному. Вместе с последованием мы сознаем прибавление.

VI

В количественном счете «переход» и его результат — «бо́льшее» различены, но различены как части целого, которые могут существовать только вместе: «переход» и «бо́льшее» образуют двухчастное, двухсоставное определение (построение, причинение) «бо́льшего». Смысл «бо́льшего», как мы видели, и заключается в том, что оно мыслится вместе с переходом от «меньшего», или вместе с отношением к «меньшему». Но тогда получается, что сложное, двухчастное определение «большего» и само «большее» — одно и то же. Поэтому в количественном счете, как и в порядковом, рефлексия заключается в различении предмета — «большего» — и перехода к нему. Мышление предмета без определения его показывает, как и в порядковом счете, что нет разницы между «большим» и «меньшим»; происходит «схлопывание» счетной последовательности. А поскольку движение от «меньшего» к «большему»

было опосредованным, двухчастным, то «схлопывание» также совершается в два шага: сначала исчезает «большее», затем «переход».

С другой стороны, мы можем мыслить переход — но не как построение иного предмета, не как переход к чему-то, а переход как таковой, переход к*а*к переход. Если форма воспроизводит себя, то мы можем осознать само действие воспроизведения. Ведь в этом и была цель логического движения, начиная с «множества».

Форма воспроизводит себя — это значит, что форма воздействует на себя; активность формы направлена на саму форму. Следовательно, в форме необходимо различить две части, или стороны: ту, что действует, и ту, на которую направлено действие; часть активную и пассивную. Поскольку активность заключается в познании формой себя, то можно сказать, что в форме различаются познающая, рефлектирующая форма и форма познаваемая. Различение этих двух форм и будет осознанием воспроизведения к*а*к воспроизведения; или, что то же самое, осуществлением воспроизведения к*а*к воспроизведения, или перехода к*а*к перехода, а не перехода к чему-то.

Указанное различение достигается различением мысленной и чувственной формы. Чувственная форма является формой предмета, а мысленная — формой формы, т. е. определяет предмет через посредство формы чувства. Мысленная форма, или мысль, активна, есть деятельность, тогда как чувственная форма неизменна, равна себе. Поэтому мысль воспроизводит чувство.

Вычленяя, мысля мысленную форму, мы тем самым мыслим действие воспроизведения, переход к*а*к переход. Достоверность мысли для себя совпадает с достоверностью перехода. Мысль, уже отличенная от чувства, является причиной воспроизведения, но не сознает себя такой причиной. В результате мы (рефлектирующая форма) мыслим переход, или отношение чувственных форм, чтобы вновь мыслить переход и отношение и т. д.

Предыдущая абстракция, как мы помним, также заключалась в мышлении отношения форм, или отношения формы с собой. Но там отношение мыслилось вместе с формами, составляющими отношение; мыслилось как отношение сторон. Здесь же мыслится собственно отношение, отношение как таковое. Это достигается тем способом, что отношение сознается не как нечто устойчивое (т. е. не как отношение сторон), а как действие установления отношения, действие перехода, вновь и вновь воспроизводящее себя как действие. Мыслится движение от одной чувственной формы к другой, а не сами формы.

Получив в абстракции отношение как таковое, без сторон, форма обращается к предмету. Это значит, что рефлектирующая форма сознает эмпирическую, чувственную форму не беспредметной, а формой предмета. Беспредметную форму вообще нельзя сознавать, и до сих пор мысленная форма отличала себя как активную, воспроизводящую форму в сравнении с пассивной и воспроизводимой. Правда, отличая себя от чувственной формы, она не отличала себя от воспроизведения чувственной формы, будучи условием воспроизведения, не сознавала себя таким условием.

Теперь же мысленная форма сознает чувственную форму как форму предмета, и это осознание является самостоятельным актом, который предшествует сознанию отношения, перехода к другой чувственной форме. Отношение, взятое само по себе, теперь связывает две предметные формы, или два предмета. Прибавление мыслится как независимое, отдельно взятое действие, связывающее два независимых друг от друга предмета. От счета мы переходим к операции сложения: 1 + 1.

При этом надо иметь в виду, что переход от предмета к предмету совершается, чтобы сделать еще один переход. Операция является именно действием сложения и имеет вид 1 + 1 + 1 и т. д.

VII

Рефлектирующая форма является причиной этой новой конструкции, где два независимых друг от друга предмета связывает самостоятельное, отдельно мыслимое отношение. Но то, что познает рефлектирующая форма, — это исключительно состояния эмпирической формы — чувственные предметы и отношение между ними, которое также может быть лишь чувственным. Себя как причину чувственных состояний мысленная форма не сознает.

Тем не менее в движении чувственной формы мысленная форма различает два момента: собственно движение, переход от предмета к предмету и мышление самих предметов. Поскольку мыслится переход, отношение — мысленная форма находится в свойственном ей состоянии действия. Как мы уже сказали, знание мыслью себя совпадает с воспроизведением чувственной формы. А поскольку мыслится чувственная форма как таковая, или, что то же самое, предмет как таковой, а не его воспроизведение, мысль лишается действия и перестает быть мыслью, пропадает в предмете.

Можно сказать, что мысль, мысленная форма различает эти две стороны не в чувстве, а в себе. Тогда получается, что поскольку мысль осознает движение чувства, она отличает себя от чувства и существует как мысль. А поскольку мысль осознает устойчивость и неизменность, предметность чувства, мысль не отличает себя от чувства, не существует как мысль. И вместе с чувством исчезает чувственная предметность.

Из этих двух сторон мыслится лишь одна — движение, которое, как мы видели, совершается тем способом, что строится отношение, чтобы построить еще одно отношение. Поэтому новой абстракцией, т. е. формой без предмета, будет отношение к отношению. Из этой абстракции форма (теперь уже мысленная форма) узнает, что может мыслить не только отношение как таковое, но и отношение к отношению, а затем — отношение к отношению отношения и т. д.

Примененная к предметам эта новая форма дает то, что предметы мыслятся одновременно, вместе. Не так, что сначала 1, затем 1 + 1, затем (1 + 1) + 1 и т. д., а так, что три единицы мыслятся сразу все вместе: трижды один. Операция заключается не в том, чтобы к двум уже сложенным единицам прибавить еще одну, а чтобы все три единицы мыслить одновременно. От сложения мы переходим к умножению.

VIII

В умножении мысленная форма также является причиной чувства, но не сознает себя причиной. И так же, как при сложении, мысленная форма сознает, что поскольку она мыслит движение чувства, т. е. переход от отношения предметов к отношению отношения, затем к отношению отношению отношения и т. д., постольку она существует как мысль и мыслит чувство. А поскольку она мыслит результат движения — одновременно данные предметы, она не существует и не мыслит чувство, которое вследствие этого также перестает существовать. С той только разницей, что чувство исчезает не сразу, а в обратной последовательности возникновения: сначала исчезает отношение к отношению отношения, затем отношение к отношению и, наконец, исходное отношение.

Но результатом умножения является не только вместе, рядом стоящие предметы, но и вместе, рядом стоящие отношения предметов. И этот

результат — одновременность отношений — остается неосознанным. Отношение к отношению, разумеется осознается, потому что в этом смысл умножения, — но сознается как действие, а не как результат. Как готовый, устойчивый результат отношение к отношению может мыслиться лишь в том случае, если мысль, рефлектирующая форма осознает себя как причину отношения к отношению, как причину одновременно существующих отношений предметов.

Это и происходит: мысленная форма сознает себя тем, что она есть — причиной, основанием совместно данных предметных отношений. Эта совместность мыслится теперь как нечто устойчивое, не требующее для своего существования установления новых отношений, т. е. как целое. Целое от умножение отличается тем, что имеет устойчивую границу; в то время как в умножении эта граница постоянно снимается, чтобы установить новую границу и т. д.

Таким образом, мысленная форма, сознавая себя, сознает себя причиной целого. Но не частей целого. Дело в том, что части, чтобы составлять целое, должны различаться между собой. В умножении же (как и в сложении, и в счете) составляющие его элементы совершенно одинаковы и различаются лишь тем способом, что совершается переход от одного элемента к другому. Понятно, что так определяемые элементы не могут быть частями целого, которые, по определению, существуют одновременно.

Поэтому мысля целое, мы не мыслим его состоящим из частей. Дело обстоит так, что мы сначала мыслим целое, а затем мыслим его части — тем способом, каким только и можно их мыслить: путем перехода от одной части к другой. В мышлении целого мы (т. е. рефлектирующая форма) отличаем себя от чувства и сознаем себя причиной чувства. В мышлении частей мы — как это было при сложении и умножении — не отличаем себя от чувства, совпадаем с чувственной формой и не сознаем себя его причиной. При этом части мыслятся нами именно как части — это выражается в том, что мы можем перебирать их в любой последовательности и без осознания их нарастания или убывания; рядом друг с другом.

Это объясняется тем, что при переходе к мышлению частей мышление целого не исчезает. Мы имеем дело со сложным, двусоставным определением, где мышление целого является определением, а мышление частей — определением определения (или определением в определении). И если первое определение дает нам чувственную достоверность, то второе определение,

удерживая эту чувственную достоверность, дает ей еще одну, более конкретную определенность. Если первая достоверность, достоверность целого, является светом, то вторая достоверность, достоверность частей, является цветом, а точнее — цветами. Если достоверность целого будет звуком, то достоверность частей — звуками. Переход от целого к частям создает качества. О качествах (цветах, звуках) мы знаем только то, что они разные. Различие качеств устанавливается переходом от одного качества к другому при сохранении целого. Именно этим объясняется то, что при переходе от качества к качеству одно качество воспринимается как актуальный образ, а другое — как фон для него. Переход от качества к качеству и есть вычленение одного качества на фоне другого.

Надо заметить, что до сих пор мы имели дело с чувственной достоверностью вообще без различения света и звука, зрения и слуха и так далее. Но в сознании целого и перехода от целого к частям мы сознаем форму чувства как нечто устойчивое, не меняющееся при переходе к частям, а затем в том же самом логическом действии даем этой форме дальнейшее определение. Устойчивость чувственной формы предполагает, что содержащиеся в ней более конкретные определенности существуют одновременно, рядом друг с другом. Поэтому чувственная форма должна иметь определенность зрения или слуха. Ведь нельзя поставить рядом цвета и звуки. Но цвета при этом не имеют определения цветов, а звуки — определения звуков. Иначе говоря, мы не знаем, в чем заключается различие цветов и в чем заключается различие звуков. Мы имеем различные, не соотносимые между собой множества — множество X и множество Y, элементы которых соотносимы, стоят рядом друг с другом, но о характере соотнесения нам ничего не известно.

Заметим также, что изменяется метод движения формы. С тех пор как мысленная форма осознала себя причиной чувства, она уже не может отождествляться с предметом и «проваливаться в ничто». Завершив определенной логическое построение, мыслящая форма тем самым обнаруживает возможность нового построения.

IX

В самом деле, определив, образовав качества, мысленная форма получает возможность мыслить целое, состоящее из различных одновременно

данных частей. Различие, а значит — и существование частей, доказывается не переходом от одной части к другой, а сравнением вместе и рядом стоящих качеств. Целое мыслится как одновременность частей.

При этом мышление и восприятие каждой части по отдельности оказывается невозможным. При переходе от целого к какой-либо одной из его частей эта часть превращается в целое — целое, состоящее из одной части. Это объясняется тем, что при переходе к части мысленная, рефлектирующая форма, которая совершает этот переход, не утрачивает самосознания, сохраняет свое отличие от чувства (правильно сказать, сохраняет сознание своего отличия от чувства), превращая тем самым часть в целое.

Движение, которое совершает сознающая себя мысль, заключается в переходе от одного целого к другому: от м*е*ньшего целого к б*о*льшему и наоборот. Это движение отличается от умножения тем, что в умножении одновременно данные элементы не отличены друг от друга и мыслятся путем мышления отношения между ними, затем отношения к отношению и так далее. А в целом части отличны друг от друга, и в новом, б*о*льшем целом, новое качество относится к уже установленному отношению качеств, составляющих прежнее целое.

Поэтому, когда мы переходим от целого из двух частей к целому из трех частей, в этом переходе происходит уточнение, конкретизация отношения частей: второе качество относится к первому, но третье качество относится не ко второму, а к отношению второго и первого качества. О двухчастном целом мы знали, что оно состоит из разных качеств, но при переходе к трехчастному целому мы сознаем, в чем именно заключается различие качеств; если двухчастное целое состоит из двух разных цветов, то в трехчастном целом цвета уже различаются определенным образом — например, второй цвет светлее первого, а третий — светлее второго. Иными словами, мы получаем определенность цвета как цвета, потому что цвет и есть отношение светлого и темного. Если раньше мы имели различие однородных, т. е. одновременно рядом стоящих качеств, то теперь мы узнали, что эти качества — цвета. Качества становятся определенными, и с каждым новым качеством эта определенность делается более конкретной.

Такое уточнение в отношениях качеств достигается вычленением в них признаков, т. е. того, чем одно качество отличается от другого. Поясним это на примере сравнения отрезков. Если даны два разных отрезка,

то мы понимаем и видим «два разных отрезка», не сознавая при этом, в чем заключается их различие. В этом случае мы рассматриваем отрезки целиком, не различая в каждом из них никаких частей. Надо заметить, что сравниваются именно отрезки, а не, скажем, отрезок и круг, т. е. сравнивается то, что сравнимо, что «стоит рядом», но при этом мы не сознаем, на каком основании делается сравнение, не сознаем, что сравниваем длины. Так же точно мы сравниваем между собой цвета, но не цвет и звук, однако не сознаем при этом, чем именно различены цвета, не сознаем, иначе говоря, что цвета различаются тем, что один цвет темнее, а другой светлее.

Если же мы сравним три отрезка, то увидим, что, например, второй отрезок длиннее первого, а третий длиннее второго. Чтобы увидеть это, мы с необходимостью должны во втором отрезке вычленить ту часть, на которую он длиннее первого отрезка, а в третьем — ту его часть, на которую он длиннее второго. Понятие «длины» возникает вместе с понятием «длиннее», и для этого нужны не две величины (как думал Аристотель), а три.

Эти выделенные части отрезков и являются признаками, которые отличают отрезки. Сравнение, соотнесение отрезков достигается путем соотнесения признаков. Часть, выделенная во втором отрезке, является признаком, отличающим его от первого отрезка. Что же касается третьего отрезка, то в нем выделяется признак признака, который отличает его и от второго, и от первого отрезка. Это достигается тем способом, что в третьем отрезке вычленяется та часть, на которую второй отрезок больше первого, и та часть, на которую третий отрезок больше второго.

X

Этим, однако, еще не решен вопрос, насколько отрезки длиннее или короче. Иными словами, признаки, разлагающие качества по величине (темнее — светлее, громче — тише, длиннее — короче и т. д.), еще не имеют количественной определенности. Чтобы получить такую определенность, т. е.измерить количество, необходимо указать единицу, или меру измерения. В самом простом случае в нашем примере второй отрезок будет в два раза длиннее первого — это значит, что первый отрезок два раза укладывается во второй; а третий будет в два раза длиннее второго — это значит, что первый отрезок четыре раза укладывается в третий отрезок.

Но этого мало. Чтобы убедиться, что второй отрезок в два раза больше первого, необходимо сначала первый отрезок один раз уложить на самого себя, а затем два раза уложить во второй отрезок. Точно также, чтобы убедиться, что третий отрезок в четыре раза больше первого, нужно сначала первый отрезок сравнить с самим собой, а затем сравнить его с третьим отрезком. Иначе говоря, чтобы служить основанием для соотнесения второго и третьего отрезка, первый отрезок сам должен быть соотнесен с каждым из них.

В результате мы получаем два ряда определенностей. В одном ряду находятся разные качества: отрезки разной длины, звуки различной громкости и прочее. А в другом ряду — различные количества одного и того же качества: например, один и тот же отрезок, взятый один раз и два раза или одна и та же громкость, взятая сначала один раз, а затем одновременно два раза.

При этом сравнение различных качеств, стоящих в первом ряду, совершается не непосредственно, а через сравнение различных количеств одного качества, находящихся во втором ряду. Например, сравнивая два отрезка различной длины, мы сначала прикидываем (если не можем точно измерить), сколько раз один отрезок укладывается в другой, а затем «видим», что второй отрезок в два (три, четыре) раза длиннее первого. Или сравнивая два различных по громкости звука, мы сначала пытаемся понять, во сколько раз надо усилить один звук, чтобы получить другой, а затем утверждаем, что второй звук во столько-то раз сильнее первого. Сравнение количеств лежит в основании сравнения качеств.

XI

Итак, определение качества совершается в два этапа. На первом этапе качества не являются определенными, не являются цветами или звуками, а только одновременно данными (или рядом стоящими) различными частями целого. Их одновременность достигается тем способом, что при переходе от одного качества к другому сохраняется мышление целого, частями которого они служат. При этом целое также осознается не как свет, соседствующий с темнотой (или переход от темноты к свету), и не как звук, ограниченный тишиной (или переход от тишины к звуку), а как переход от ничто к нечто. Таким образом, при переходе от одного качества к другому отличному от него качеству, а от него — к еще одному новому качеству во всех этих переходах

воспроизводится первоначальный переход от ничто к нечто, который и лежит в основании качественных переходов.

На втором этапе качества не просто соотносятся между собой, но новое качество относится к отношению предыдущих качеств. В результате качества получают определенность. Выясняется, что в одном множестве качества различаются тем, что одно светлее, а другое темнее, а в другом множестве — тем, что одно громче, а другое тише; появляются цвета и звуки. При этом изменяется и мышление целого: мыслится уже не переход от ничто к нечто, а переход от темноты к свету или от тишины к звуку. Но переход от темноты к свету не воспроизводится вновь и вновь, как было с ничто и нечто, а самого начала мыслится как отношение двух вместе данных переходов от темноты к свету и в дальнейшем воспроизводится как такое отношение. И это понятно: ведь новый цвет относится к отношению цветов, и если при этом должна сохраняться граница света и темноты, то она может быть лишь в виде отношения границ света и темноты.

Следовательно, свет — это не граница света и темноты, а отношение границ света и темноты. Цвета же различаются тем, что один светлее, а другой темнее, поэтому отношение цветов является конкретизацией отношения границ света и темноты. «Светлость» — это сущность цвета, его определение — то, что отличает цвет от отсутствия цвета, т. е. от темноты. Но с темнотой цвет связан не непосредственно, а через свет. А правильней сказать: отношение цветов (светлее — темнее) связано с темнотой через посредство отношения границ света и темноты.

Однако кроме светлости у цвета есть и другие характеристики, например, яркость и насыщенность. И, как светлость существует как отношение светлостей, так и яркость существует как отношение яркостей. Но чтобы стало возможным отношение яркостей, отношение светлостей, т. е. цвета уже должны быть. Должно быть отношение красного и зеленого, чтобы зеленое было ярче красного или красное ярче зеленого. Без отношения по светлости не может быть отношения по яркости, но два различных цвета вполне могут быть одинаковыми по яркости, т. е. в отсутствие какой бы то ни было яркости. Яркость имеет отношение к темноте, и можно сказать, что более яркий цвет «дальше» от темноты, чем менее яркий. Но если цвет относится к темноте посредством света, то яркость относится к темноте посредством сначала цвета, а затем света.

Поэтому когда говорят, что цвет имеет различные свойства, или характеристики: светлость, яркость и насыщенность, то допускают сразу две ошибки. Во-первых, цвет существует только как отношение цветов. Во-вторых, отношение светлостей — не свойство, а сущность, определение цвета; отношение цветов и есть отношение светлостей. Сказать, что цвета «имеют» различную светлость (или сказать, что звуки «имеют» различную громкость), — все равно что сказать, что отрезки «имеют» различную длину: отрезки и есть различные длины. Что же касается яркостей и интенсивностей, то их отношение действительно является свойством, или характеристикой отношения цветов, т. е. отношения светлостей.

В результате выстраивается следующая логическая последовательность. Сначала мы мыслим отношение двух и более границ между темнотой и светом. Затем, удерживая это отношение, мы мыслим отношение различных светлостей, т. е. цветов, которое конкретизирует первое отношение. А затем, удерживая отношение цветов, а значит и отношение границ света и темноты, мыслим отношение яркостей или отношение насыщенностей, которые конкретизируют отношение цветов, а значит, и отношение границ темноты и света. И тогда у нас возникает впечатление, что зеленый цвет не только светлее красного, но и ярче.